

Рут ван Дейк

РЕГИОНАЛИЗМ, ФЕДЕРАЛИЗМ И ПРАВА МЕНЬШИНСТВ В БЕЛЬГИИ

1. Введение

В данной работе предполагается обсудить три группы вопросов. Во-первых, дать исторический очерк бельгийского этнического конфликта, во-вторых, рассмотреть политические решения, которые из этого проистекают, и, наконец, в-третьих, глубже исследовать проблемы, которые остались нерешенными после осуществленных в стране политико-институциональных реформ.

Когда бельгийца просят вкратце обрисовать отношения между двумя большими группами населения в стране, ответ получается различным в зависимости от того, к кому обращена просьба - к нидерландоязычному или франкоязычному бельгийцу. На одну и ту же реальность нидерландоязычные и франкофонные бельгийцы имеют отличные взгляды. Автор статьи также относится к одной из этих групп населения - нидерландоязычной, - и потому, возможно, существует опасность, что это обстоятельство может повлиять на анализ проблем. Попытка автора как политического исследователя подняться выше такого разделения является и замыслом, и вызовом данной работы.

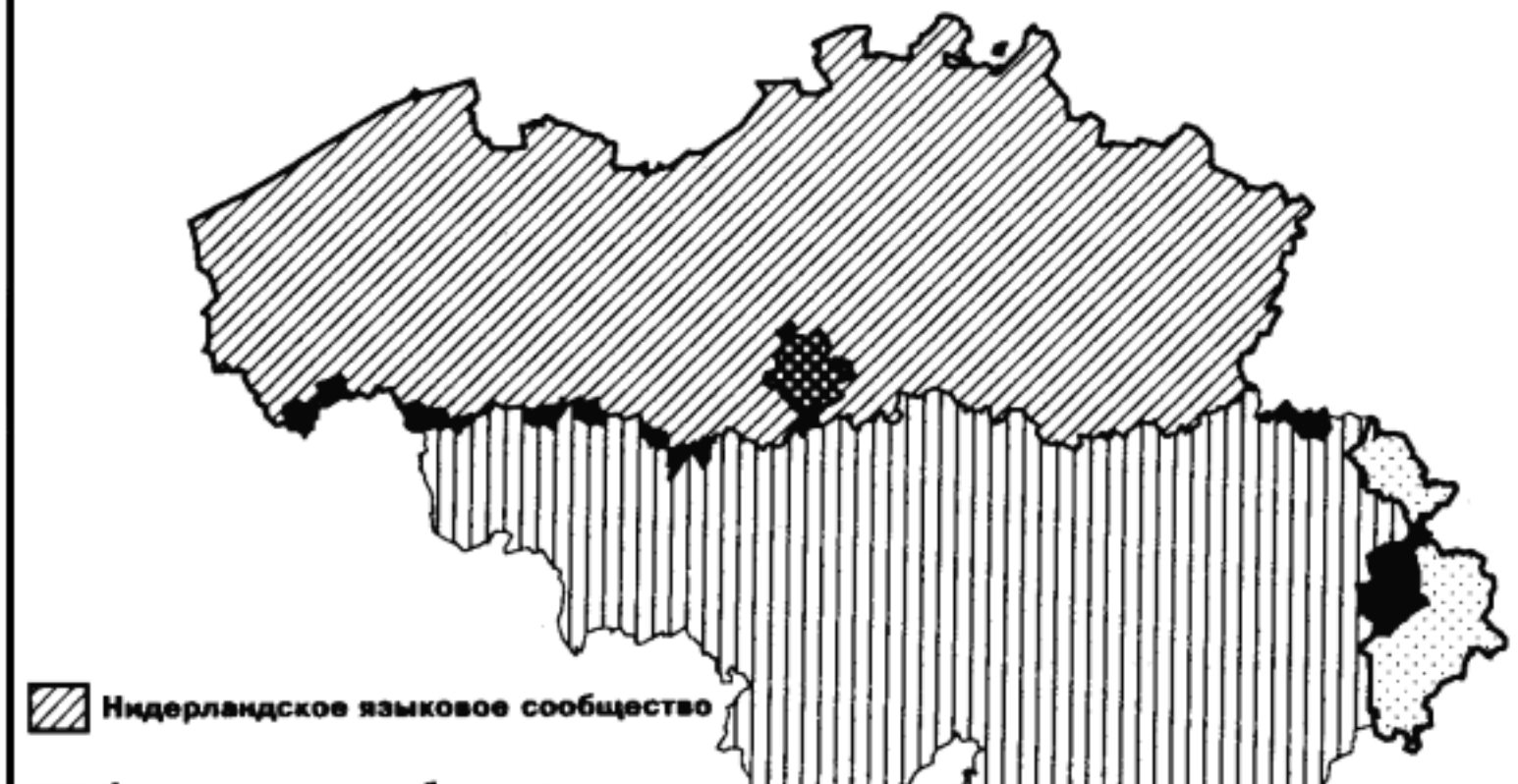
2. Бельгийский "этнический конфликт" и его политическое решение

2.1. "Этничность": теоретическое объяснение, изложение, толкование

В Бельгии существуют две большие этнические группы населения: нидерландоговорящие фламандцы и франкоговорящие валлоны. Особое место занимает франкоговорящее население Брюсселя, которое не поддается столь однозначной классификации. С точки зрения антропологии этническая группа - это "любая группа людей, которая определяет себя и отделена от других групп, с которыми она взаимодействует и сосуществует, с точки зрения определенного критерия или критериев, которые могут быть лингвистическими, расовыми или культурными" (1). Изучение этнических групп предполагает поэтому прежде всего классификацию на базе того, что называется приписываемыми чертами. Данные черты - это те особенности личности (и, таким образом, группы, членом которой она является), которые мало или совсем не зависят от индивидуума. Примерами подобных приписываемых черт, которые трудно изменить, являются цвет кожи, язык, географическое происхождение, обычаи, привычки.

Индивидуумы не всегда и не обязательно осознают свою этническую принадлежность. Они могут физически выглядеть, думать и поступать, не осознавая своей (относительной) похожести и причастности к определенной группе. Джексон (2) называет это "спящей" формой этнической принадлежности (этничности). Группа индивидуумов может неосознанно проявлять определенные приписываемые черты, которые объективно выделяют их именно в эту группу. Но эта "спящая" форма этнической принадлежности может быть мобилизована разными общественными и политическими целями. Правда, это означает не только то, что какое-то количество членов этнической категории сами начинают осознавать свою этническую принадлежность, но и то, что их спланируют организационно. В этом процессе мобилизации "этнические" категории пробуждаются и трансформируются в этнические группы или этнонации.

БЕЛЬГИЯ: ТРИ ЯЗЫКОВЫХ СООБЩЕСТВА, ТРИ ОБЛАСТИ

Этнонация - это этническая группа, желающая иметь политический авторитет в стране, но не

обладающая суверенитетом как таковым (3). Этнонация превращается в нацию, когда этническая политика становится независимой. И хотя я в целом согласна с этой характеристикой, по моему мнению, Джексон все же мало считается с тем, что люди могут обладать этнической идентичностью и при этом не быть вовлеченными в политические процессы. Люди могут идентифицироваться со своей этнической категорией, т.е. сознавать свое (объективное или перцептивное) сходство без того, чтобы быть организованными для защиты и продвижения своих интересов по отношению к другой категории. Это возможно потому, что люди могут идентифицировать себя с определенной этнической категорией, не придавая слишком много значения этому членству. Отождествление себя с определенной этнической категорией для многих может быть не более существенно, чем, например, отождествление себя с женским населением страны. Только когда этому членству придается очень большое значение, принадлежность к определенной этнической группе приобретает форму "этнонационализма" и "национализма" (4).

2.2. Этническая идентификация и мобилизация в Бельгии: краткий исторический обзор

В Бельгии со времен провозглашения независимости проявляются две формы этнической идентификации и мобилизации, примеры чему мы видим и по сей день. Старейшим этническим движением является фламандское, которое ведет свое происхождение от движения за равноправие языка. В независимой Бельгии официальным языком был французский. В глазах франкоязычной элиты, которая управляла страной, фламандский/нидерландский язык представлял не только угрозу для только что завоеванного единства страны, но и якобы стоял на пути "прогресса". Французский был для них единственным подходящим языком для политики, экономики и науки; он же являлся и языком культуры. Фламандцы из средних слоев, которые умели читать и писать, выступали против дискриминации и требовали для фламандского языка места в общественной жизни. Это движение, в основе своей литературное, стало в первой половине XX в. настоящим фламандским национальным движением. Под влиянием демократизации общества и повышения уровня образования все больше фламандцев начали связывать свое социально-экономическое отставание с неравноправным статусом своего языка. Этническая приверженность (идентификация) проявилась в создании фламандских национальных партий и целого ряда обществ для защиты собственно фламандских интересов. Давление, которое этнические партии и движения оказывали на традиционные партии (католические, либеральные, социалистические), было настолько велико, что в 1962-1963 гг. фламандское движение выиграло важнейшую битву: нидерландский стал единственным официальным языком во Фландрии, французский - в Валлонии и немецкий - в небольших областях Восточной Бельгии. В Брюсселе в официальных учреждениях разрешалось пользоваться французским и фламандским языками. В частной жизни каждый имел право говорить на том языке, на котором пожелает.

Другая форма этнической принадлежности и мобилизации проявлялась с валлонской франкоязычной стороны. Она возникла именно как реакция на только что описанный процесс фламандской идентификации и мобилизации и в то же время как следствие экономической отсталости валлонского региона.

Валлонское сознание всегда было неким смешением региональных и языковых элементов. Позиция местного валлонского движения по отношению к франкоговорящим жителям Брюсселя характеризовалась большей определенностью,

что сохранилось до сего дня. Поиск равновесия между требованием большей автономии для Валлонии, с одной стороны, и поддержанием "солидарности" между валлонами и остальными франкоязычными бельгийцами (в Брюсселе и его окрестностях) - с другой, оказался делом непростым. Валлонское движение обеспокоено тем, что фламандцы могут занять доминирующую позицию. По численности населения валлоны всегда были меньшинством в Бельгии. Уступки требованиям фламандцев в конце XIX в. рассматривались как первый шаг на пути к будущему фламандскому господству. Поэтому неудивительно, что вначале лидеры валлонского движения столь сильно хотели сохранения централизованного унитарного франкоязычного бельгийского

государства. Когда в 1919 г. было введено всеобщее прямое избирательное право (один человек - один голос), валлонов охватил страх перед численным преимуществом фламандцев. По прошествии времени региональное направление в валлонском движении одержало верх. Его лидеры требовали большей автономии для Валлонии. Опасение доминирования Фландрии еще больше возросло после Второй мировой войны, когда Фландрия стала экономически более преуспевающим регионом. Тяжелая промышленность, которая была развита в Валлонии, устаревала, а инвестиции в новые технологии и отрасли промышленности делались в основном во Фландрии. В тех местах, где для приверженцев валлонского движения приоритетом еще оставалась франкоязычная солидарность, именно франкоязычные брюссельцы решительно поддержали интересы франкоязычных жителей. Особенно это характерно для периода после 60-х годов. Франкоязычная партия была создана для того, чтобы защищать интересы франкоязычных брюссельцев ("брюкселуа"). Подавляющее большинство брюкселуа традиционно не говорило по-нидерландски, боясь потерять свое привилегированное положение во франкоязычной Бельгии. Начиная с 1962-1963 гг., однако, необходимостью стала двуязычность, так как в располагавшейся в Брюсселе общенациональной администрации открылось большое количество вакансий. Поскольку большинство фламандцев говорили по-французски, а большинство франкофонов, напротив, не владели нидерландским, эта двуязычность была выгодна для фламандцев и невыгодна для франкоговорящих. До сих пор франкоязычные брюссельцы не устают говорить о важности объединения франкоязычных сил против того, что называется фламандским "доминированием".

2.3. Политическое решение бельгийского этнического конфликта: образование сообществ и областей

Только что мы увидели, что в Бельгии возникли две формы региональной этнической идентификации и мобилизации. Фламандское движение, возникшее ранее, требовало языковой и культурной автономии, т.е. положения, способствовавшего признанию и развитию собственного языка и культуры. Валлонское движение, как реакция на фламандское, требовало региональной автономии - самоуправления в социальных и экономических вопросах. Конечной целью было преодоление экономического кризиса в своем регионе. Следствием этой двойной динамики стало требование франкоязычных брюссельцев превратить их город в самостоятельную полноправную область.

Выполнение этих требований было проблематично из-за географического положения Брюсселя - внутри Фландрии. По мнению фламандцев, вся область, прилегающая к Брюсселю, должна стать неотъемлемой частью Фламандского сообщества. Валлоны не могут смириться с тем, что 800 тыс. франкофонов подпадут под управление фламандцев. По их мнению, Брюссель должен стать особой областью. Иначе говоря, фламандцы и валлоны стоят на противоположных позициях. При этом компромисс возможен, когда обе стороны идут на уступки, делая шаг навстречу друг другу. Единственным возможным вариантом разделения государства на сообщества является предоставление автономии языковым общинам (регионализация государства с предоставлением автономии областям). Так и случилось. В результате четырех следовавших друг за другом реформ государственной системы (1970/71, 1980/81, 1988 и 1993 гг.) Бельгия стала федеративным государством с тремя сообществами (Фламандским, Франкоязычным, Немецкоязычным) и тремя областями (Фламандской, Валлонской и Брюссельской).

Вопросы, в решении которых сообщества соответственно облечены полномочиями областей, особого рода. Области уполномочены заниматься целым рядом проблем, касающихся экономики и окружающей среды, проведения общественных работ, организации работы транспорта, поддержания общественного порядка и решения задач, связанных с местным самоуправлением. Сообщества, напротив, имеют полномочия, касающиеся культуры, образования и языка, а также личных дел граждан.

Бельгийский этнический конфликт был разрешен не только благодаря предоставлению автономии фламандцам и валлонам (франкоязычным) в решении вопросов, отнесенных к ведению областей и

языковых сообществ, но и посредством допущения в некоторой степени асимметрии в законодательных и исполнительных институтах. Фламандцы придают большее значение сообществу, неотъемлемую часть которого составляют фламандские жители Брюсселя (всего 3% всех фламандцев). Это означает, что брюссельские фламандцы почти не обладают законодательными полномочиями в вопросах, касающихся дел сообщества. С валлонской стороны, напротив, уделяется больше внимания областям, а именно Валлонской и Брюссельской. Когда в 1994 г. Валлонская область заимствовала у Франкоязычного сообщества большую часть полномочий, франкоязычные брюссельцы (17% всех франкоязычных в Бельгии) получили свои собственные законодательные полномочия по вопросам сообщества (ввиду того, что Брюссельская область была не уполномочена решать вопросы сообщества). Следствием всего этого явилось то, что Бельгия де-факто стала биполярным федеральным государством, в котором Фламандское сообщество и Валлонская область играют первые роли, а Брюссельская область и Немецкоязычное сообщество являются младшими составляющими.

3. Остающиеся "узкие места" в бельгийском федеральном устройстве: языковое меньшинство Брюсселя, столичная периферия и пограничная в языковом отношении территория

Двусоставная федерация, сменившая в Бельгии унитарное государство, создала основу для нормальных отношений между фламандцами и валлонами (франкофонами). Межэтнический конфликт при этом не нашел, однако, своего полного разрешения. Остается ряд "узких мест", которые могут быть опасными для существующей сегодня стабильности. Дело в том, что, хотя юридически все проблемы получили законные решения, по некоторым группам вопросов между фламандцами и франкофонами сохраняются разногласия. Более того, эти группы вопросов приобрели значение символов, и дискуссии вокруг них время от времени вызывают даже некоторое смятение. Кроме того, "узким местом" являются позиция фламандцев по отношению к Брюсселю и позиции франкофонов в области вокруг Брюсселя (так называемая периферия) и на языковой границе. Споры вызывает восприятие языковых меньшинств в соответствующих областях.

Каким же образом воспринимаются языковые меньшинства в этих областях обеими этническими группами? Выше уже отмечалось, что, как только речь заходит о языковых меньшинствах, понятие "демократия" приобретает разный смысл. Это - важнейшее открытие нашего исследования. Для узаконивания политики, проводимой по отношению к собственному и/или другому языковому сообществу, используются совершенно противоположные взгляды на сущность демократии. Иначе говоря, какого взгляда на демократию следует придерживаться в данный момент, зависит от того, каким образом воспринимается позиция собственной группы по отношению к другой.

Рассмотрим этот феномен подробнее.

Типизацию соответствующих взглядов на демократию мы делаем, основываясь на исследованиях Дж.Л. Талмона (5). Этот историк противопоставляет два типа демократии, т.е. два взгляда на демократию, и эти крайние формы он называет соответственно либеральной и тоталитарной. Два взгляда на демократию могут быть рассмотрены как два полюса единого континуума, внутри которого можно представить себе огромное количество промежуточных позиций. Оба взгляда могут быть реализованы в той или иной степени. Следовательно, компромиссы возможны. Учитывая, что "тоталитарный полюс" в реальной жизни не встречается, в дальнейшем будем называть его "регулируемой демократией".

Обобщенно мы могли бы сказать, что оба взгляда исходят из идеала свободы, но затем идут разными путями. Согласно принципам "регулируемой демократии", человек несвободен, но должен быть освобожден. Смысл либерального взгляда на демократию, напротив, сводится к упору на свободу внутри политического процесса или рынка. Это относится, в частности, к процедурам принятия политических решений и к участию в политической жизни. Считается, что политический рынок должен быть полностью открытым для каждого, должна быть свободная, не сдерживаемая

никакими рамками конкуренция. Ограничения ее не допускаются, потому что результат приемлем только тогда, когда конкуренция действительно свободна. Все должно иметь возможность происходить спонтанно. Согласно же принципу "регулируемой демократии", так называемая свободная конкуренция в условиях открытого, нерегулируемого политического рынка встречается нечасто, потому что в реальности участники политического рынка (процесса) не могут иметь равных шансов. Поэтому конкуренция изначально нечестна, и конечные результаты искажены. Подобной ситуации желательно избегать, вмешиваясь в нее где-то по пути, т.е. в ходе самого политического процесса. Правила политического рынка должны быть под контролем, чтобы честная конкуренция была возможна. Отсюда и сам термин "регулируемая демократия". Определенная форма законного регулирования абсолютно необходима, для того чтобы конкуренция могла проходить честным и справедливым образом.

3.1. Гордиев узел бельгийской политики: Брюссель и его периферия

Часто можно услышать выражение, что, если бы Брюссель находился не во Фландрии, не был окружен Фламандской областью, Бельгия давно бы раскололась надвое. Правда это или нет, данное высказывание указывает на проблемы края, вот уже более века находящегося в центре бельгийской этнической ситуации.

Когда-то Брюссель был небольшим, хотя и важным фламандским торговым городом, однако на протяжении последних двух веков его население постепенно "офранцузивалось". Речь идет о том, что под влиянием французского языка в низших слоях брюссельского общества произошел спонтанный языковой сдвиг - они перешли с фламандского языка на французский. Французский был к тому же единственным языком, обеспечивающим вертикальную социальную мобильность.

После 1830 г. (даты обретения Бельгией независимости) офранцузивание в официально моноязычной Бельгии являлось единственным способом продвижения в обществе. Под влиянием этого процесса фламандцы превратились в меньшинство в Брюсселе. Еще в 1846 г. только 31% населения Брюсселя говорил по-французски; в 1947 г. по-французски говорил уже 71% жителей Брюсселя (6). В настоящее время точно неизвестно, сколько фламандцев (нидерландоязычных) проживает в Брюсселе, так как после 1947 г. языковые переписи населения не проводятся (7). Согласно оценкам, на 80-90% франкофонов здесь приходится 10-20% нидерландоязычных. Существует, однако, "серая зона" двуязычных брюссельцев, которые не хотят или не могут причислить себя к той или иной этнической группе (8). Процесс офранцузивания не остановился у столичной городской черты. Территория Фландрии, прилегающая к Брюсселю, также подверглась определенному офранцузиванию. Этот процесс, происходящий на периферии Брюсселя, обусловлен миграцией сюда франкоязычных брюссельцев. Все больше людей покидают столицу, чтобы поселиться в зеленой зоне вокруг Брюсселя. Благодаря этому в расположенных здесь фламандских общинах резко возросло количество франкоязычных, которые к настоящему времени фактически уже составляют большинство.

Официально это не рассматривается как проблема, поскольку существуют соглашения как в отношении фламандского меньшинства в Брюсселе, так и в отношении франкоязычного населения Брюссельской периферии. Несмотря на то что это урегулирование признано фламандскими и франкоязычными политическими партиями, которые были вовлечены в переговорный процесс, приходится констатировать, что не все довольны сложившейся ситуацией. В дискуссии, которая ведется вокруг положения языковых меньшинств в Брюсселе и на его периферии, на передний план все чаще выходит вопрос о том, какой из форм демократии следует отдать предпочтение. Постольку поскольку это касается языковых меньшинств в Брюсселе и его окрестностях, франкоязычные придерживаются, скорее, либерального демократического взгляда, в то время как фламандцы больше склоняются к "регулируемой демократии".

Это преимущественно "либеральное" видение демократии франкоязычными предполагает, что в этом случае политические власти не могут заниматься регулированием предпочтения языка. На

политическом рынке каждый должен свободно выбирать язык. Никакого контроля, никаких указаний свыше - вот что дает самый демократический подход.

Фламандцы обычно не соглашаются с этим, так как, по их мнению, свободный выбор приводит к сохранению и даже упрочению существующего неравенства. Свободное употребление языков в Брюсселе и на его периферии привело к массовому офранцуживанию фламандского населения именно из-за этой ситуации свободного рынка. Фламандский диалект, на котором говорило местное население, и даже стандартный нидерландский язык не смогли в этом столетии противостоять языку с более высоким статусом, каким был и остается французский. Конкуренция французского и фламандского/нидерландского языков была и продолжает оставаться неравной, поэтому результат (офранцуживание) не может быть приемлем. Из этого как раз и проистекает озабоченность фламандцев, стремящихся остановить процесс офранцуживания. Они считают, что этого можно добиться только регулированием, т.е. ограничением, употребления языков на официальном уровне. Франкоязычных следует обязать говорить по-нидерландски во Фландрии. Отчасти благодаря их демографическому перевесу и экономическому процветанию фламандцы определенно получили в 1962-1963 гг. то, что они хотели: одноязычность Фландрии (и Валлонии). Но они должны были пойти на компромисс: в смешанных языковых зонах, таких, как Брюссельская периферия, франкоязычные жители получили ряд языковых прав, которые получили название "языковые льготы". Франкоязычные, живущие в общинах, наделенных подобными льготами, имеют право отправлять своих детей во франкоязычные детские сады и начальные школы, полностью финансируемые Фламандским сообществом. Вся информация для населения в этих общинах должна осуществляться как на нидерландском, так и на французском языках. Франкоязычные имеют, кроме того, право получать ряд документов на французском языке или требовать их бесплатного перевода. Можно, таким образом, сказать, что как франкоязычные, так и нидерландоязычные жители нашли разумный компромисс. Это показывает, что применительно к Брюссельской периферии франкоязычные и нидерландоязычные сумели найти равновесие между "либеральным" взглядом, который теоретически не допускает ограничений, с одной стороны, и "регулируемым" видением, которое теоретически требует возможно большего регулирования законным образом, - с другой. Иными словами, ни одна из обеих групп населения здесь не доводит свои взгляды до крайности.

Официальным языковым урегулированием 1962-1963 гг. территория, которая сейчас является Брюссельской областью, признана двуязычной. Учитывая неравный статус французского и нидерландского языков, это положение расценивается не в пользу фламандцев. Но в Брюсселе они имеют другую форму защиты: получая дополнительные средства, они создают собственную систему образования и сеть культурных организаций. Кроме того, в 1988 г. фламандцы получили гарантированное представительство в правительстве Брюссельской области. Несмотря на данные о том, что только одна шестая избирателей голосует за фламандские партии, фламандцы имеют в брюссельском правительстве столько же министров, сколько и франкоязычные, за исключением поста премьер-министра. В политической дискуссии, которая ведется в настоящий момент, этот паритет связывается с ситуацией в федеральном правительстве. Действительно, именно франкофоны из страха перед количественным перевесом фламандцев во всей Бельгии попросили - и получили - равное представительство в бельгийском федеральном правительстве. Таким образом, на федеральном уровне франкоязычные выступают за регулирующую демократию, а фламандцы склонны следовать либеральному ее видению. Это свидетельствует о том, что использование то одной, то другой точки зрения несет в себе определенный элемент стратегии. Именно стремясь использовать преимущества своей собственной группы населения, обе стороны часто изменяют свои концептуальные взгляды на противоположные.

Несмотря на готовность политических элит обеих групп населения к компромиссам, что проявилось в урегулировании проблем фламандского меньшинства в Брюсселе и франкоязычного населения в Брюссельской периферии во Фландрии, раздаются все больше голосов в пользу следования (возвращения) к более жестким мерам. Что касается Брюссельской периферии, то часть франкоязычных продолжает высказываться либо за расширение полученных льгот на другие

области, либо за присоединение этих областей к Брюсселю (двуязычной области). Конечно, там, где франкоязычные составляют абсолютное большинство в общине, население должно получить право высказываться по вопросу о присоединении к Брюсселю. То, что в настоящий момент у франкоязычного населения этого права нет, является совершенно "недемократичным". Подобная аргументация явно отражает либеральный взгляд на демократию. В то же время некоторые фламандские политики недавно высказывались за отмену языковых преимуществ для франкоязычных, что может привести к регулированию официального языкового употребления в полном объеме. Они полагают, что только обязательное употребление нидерландского языка на официальном уровне заставит всех ненидерландоязычных выучить язык. Под ненидерландоязычными в настоящее время понимаются не только франкоязычные бельгийцы. В процессе эволюции Брюсселя как столицы Европейского союза все больше граждан из других европейских стран обосновываются в зеленой зоне вокруг Брюсселя. Эти люди в большинстве своем владеют в качестве второго языка английским или французским; по-нидерландски они обычно не говорят. Опасность офранцуживания при этом становится неизбежной, как считают некоторые фламандцы. Теперь эта опасность исходит и от институтов Европы. По той же причине фламандское правительство сопротивляется предоставлению права голоса гражданам Европейского союза (ЕС), так как предполагается, что они в основном будут голосовать за местные франкоязычные партии. Франкоязычными это противодействие рассматривается как проявление тоталитаризма. Основываясь на том же самом предположении, они выступают за предоставление права голоса гражданам ЕС, по крайней мере в зоне Брюсселя. Развитие Евросоюза и связанная с этим демографическая эволюция Брюссельской периферии заставляют фламандцев бояться также распространения влияния английского языка, этого универсального языка общения граждан Европейского союза. Подразумевается, что эти граждане должны изучать нидерландский язык в том случае, если они живут во Фландрии и пользуются сферой общественных услуг, но этот процесс - спонтанный, а изучение языка потребует - в большей или меньшей степени - определенного принуждения. Степень принуждения при этом может быть различной. Существует небольшая группа экстремистски настроенных фламандцев, которые хотели бы запретить употребление любого другого языка, кроме нидерландского, в ряде "культурных" сфер, которые являются как бы пограничными между частной жизнью и общественной (воскресные церковные службы, региональное телевидение, местное радио и т.д.).

Фламандское меньшинство все чаще требует ограничения либерального подхода, практикуемого франкофонами. Речь здесь прежде всего идет о том, что гарантированное представительство фламандского меньшинства в брюссельском правительстве не всегда одобряется франкоязычными, тем более что число фламандцев в Брюсселе продолжает уменьшаться: об этом свидетельствует снижение числа голосов, поданных за фламандские партии в Брюсселе на последних областных выборах (13,7% в 1995 г. по сравнению с 14,7% в 1989 г.). Франкоязычные считают, что существующий паритет в брюссельском правительстве является недемократичным, если принять во внимание увеличивающийся демографический перевес франкоязычного населения. Фламандцы же, напротив, продолжают защищать эту форму "позитивной дискриминации", указывая, что и в прошлом, и сейчас брюссельские фламандцы подвергаются языковому натиску со стороны франкофонов. Одновременно небольшое экстремистски настроенное меньшинство франкоязычных все еще мечет громы и молнии против "позитивно-дискриминационных" льгот, которыми пользуются нидерландоязычное образование и фламандские культурные организации в Брюсселе.

3.2. Область языковой границы и община Фурен

Естественно, что там, где языковые территории соприкасаются, какое-то количество общин имеет смешанное в языковом отношении население. Вскоре после того, как была установлена языковая граница между нидерландоязычной и франкоязычной областями, в ряде районов по обе стороны языковой границы жители получили в сфере образования и по отношению к общинной общественной администрации одинаковые языковые льготы, такие же, как и граждане Брюссельской периферии. Вообще говоря, в настоящее время не существует достойных упоминания проблем в этой неоднородной в языковом отношении зоне, кроме одной, которая

касается общины, называемой Фурен (по-нидерландски) или Фурон (по-французски).

Франкоязычное население Фурена всегда протестовало против порядка, который был введен в этой общине правительством. В 1963 г. община была передана из провинции Льеж (расположенной во французской языковой зоне) в провинцию Лимбург (расположенную в нидерландской языковой области). Фурен/Фурон стал тогда де-юре нидерландоязычной общиной с языковыми льготами для франкоязычных, в то время как раньше он был франкоязычной общиной. Фурен - благодаря миграции и вследствие географического положения - всегда имел смешанное население. До провозглашения независимости Бельгии (в 1830 г.) Фурен/Фурон был частью единой большой провинции Лимбург, которая после обретения Бельгией независимости разделилась на две части (бельгийский Лимбург и нидерландский Лимбург). Фурен был географически отделен от (бельгийской) провинции Лимбург и с тех пор стал географически и политически частью провинции Льеж. Так продолжалось до 1963 г., когда этот район в качестве "национального компромисса" перешел от Валлонии к Фландрии, а одновременно другая, прежде фламандская община "переселилась" в Валлонию.

Вследствие этого франкоязычное население Фурена/Фурона стало меньшинством внутри нидерландской языковой области (Фландрии). В своей собственной общине, однако, они образуют хоть и незначительное, но все же большинство. Поэтому неудивительно, что местное франкоязычное население не могло согласиться с этим решением, которое было принято "в Брюсселе" без согласования с ним, считая, что коль скоро в общине существует франкоязычное большинство, то обязательным для всех видов общественной и административной деятельности не может быть нидерландский язык. Их радикальные представители вели себя все более воинственно: они требовали (и продолжают требовать до сих пор) возвращения их общины в провинцию Льеж. Фламандцы же отвергали это, поскольку они как юридически, так и фактически стали бы меньшинством - как во всей французской языковой области, так и в общине. Риторические высказывания, с которыми вновь выступают обе стороны, опять-таки сводятся к дискуссии вокруг демократии, т.е. к спору о том, какая ситуация явилась бы демократичной, а какая нет.

Франкоязычные, устами своего бывшего губернатора Ж. Аппара, высказывают следующие аргументы: "Когда я слышу, как фламандцы рассуждают о правах человека и выдвигают требования по поводу улучшения положения национальных меньшинств в Африке и Латинской Америке, мне приходит на ум, что они требуют для этих людей того, в чем отказывают населению своей собственной общины Фурен. Фламандцы говорят, что Фурен - фламандский, однако большинство общины с этим не согласно. Если бы подобная ситуация разыгралась где-нибудь еще в мире, самые рьяные поборники фламандского движения были бы первыми, кто порицал бы ее... Таким образом, мы в Фурене живем в недемократической ситуации, и это я не могу принять" (9). Ж. Аппар придерживается здесь явно либерального взгляда на демократию: местное большинство должно само свободно выбирать свою судьбу: так как большинство является франкоязычным, оно должно говорить на своем языке в общественных местах; если подобного не происходит, это является издевательством над демократической волей большинства населения.

Фламандцы, однако, припоминают самому Аппару то, что в период нахождения у власти он сам демонстрировал недемократическое отношение к языковой ситуации, отказываясь пользоваться нидерландским языком в общественной жизни, хотя и был обязан делать это, согласно национальному закону о языке, одобренному в том числе и франкоязычными партиями в федеральном правительстве. Для фламандцев же ситуация в небольшой общине Фурен/Фурон (4226 жителей, из которых 3601 - граждане Бельгии) стала символом того, что они воспринимают как постоянное нежелание франкоязычных жителей говорить по-нидерландски. Именно благодаря этому символу "проблема Фурена" перешагнула границы общины и стала национальной проблемой.

Под влиянием событий внутри Европейского союза "проблема Фурена" приобрела дополнительное измерение, и, что следует особенно отметить, обе языковые общины, кажется, собираются использовать совершенно иное видение демократии, чем то, которого они придерживались до сих

пор. В случае если граждане ЕС получают право голоса на общинных выборах, присутствие нидерландоязычных в Фурене/Фуроне может сыграть на руку фламандцам, и на этот счет существует достаточно спекуляций. Другими словами, фламандцы надеются, что жители Фурена нидерландской национальности (566 человек, согласно переписи населения 1991 г., из 615 всех небельгийцев) будут голосовать на общинных выборах за фламандский, а не за франкоязычный список. Это мнение, пусть и с опасениями, разделяет, кажется, и франкоязычное население. Отсюда и это неиссякаемое рвение "возвратиться в Льеж".

Что действительно здесь наблюдается, так это то, что фламандцы и франкофоны в какой-то степени продолжают придерживаться своих первоначальных взглядов (соответственно: "Фурен должен оставаться фламандским" и "Фурун должен стать опять валлонским"), но легитимация, которую каждая из этнических групп придает этому, является совершенно новой. Фламандцы, по-видимому, склонны в данном случае придерживаться либерального взгляда, основываясь на предположении о достижении в будущем демографическим путем большинства нидерландоязычных (фламандцев и нидерландцев), отвергая эту возможность у периферии. Франкофоны же, как представляется, еще недостаточно ясно определились. С одной стороны, они продолжают оставаться яркими приверженцами либерального толкования понятия демократии, но опасения, что интересы их собственного языкового сообщества из-за меняющихся демографических и политических обстоятельств окажутся под угрозой, ставят под сомнение это толкование.

4. Выводы

Вэл Лорвин совершенно справедливо назвал как-то бельгийскую этническую ситуацию "уникальным национальным треугольником с одним угнетенным большинством и двумя угнетенными меньшинствами" (10). Как могло получиться, что одновременно, на одном и том же уровне, может находиться и численное большинство (фламандцы), которое чувствует себя угнетенным, и два численных меньшинства (валлоны и брюссельцы), которые то же самое думают в отношении себя? Ответ на этот вопрос, по моему мнению, отчасти заключается в самом понятии демократии. Ни среди ученых, ни среди политиков не существует единого мнения по поводу того, что же именно включает в себя понятие "демократия", поскольку каждый имеет собственное мнение по поводу того, чем является демократия или чем она должна быть. И это, в сущности, нормальное явление. Поэтому невозможно сказать, какое именно представление о демократии является "правильным". Вы можете придерживаться какой-то определенной точки зрения, основываясь на всевозможных убедительных аргументах, но это будет лишь ваше видение, ваше мнение, ваша точка зрения. Как фламандцы, так и валлоны/франкофоны защищают интересы своих собственных этнических групп и при этом, в зависимости от ситуации, развивают и используют то толкование, которое больше склоняется к типу "регулируемой демократии", то другое, которое ближе к типу "либеральной демократии". Обе версии оказываются, таким образом, приемлемыми. Соглашаетесь ли вы с одной или же с другой стороной, зависит от того, какой исходной концепции вы придерживаетесь: свободы или регулирования.

Элитам обеих этнических групп все еще удастся не доводить до крайности противоречия во взглядах, находя компромисс между ними. Этот компромисс, однако, не может полностью удовлетворить ни одну из сторон. Проведение языковой границы неизбежно должно было вызвать неудовольствие тех, кто "случайно" оказался проживающим по "чужую" сторону. Другими словами, проведение языковой границы и связанное с этим появление двух юридически "гомогенных в языковом отношении" областей неизбежно создают на практике языковые меньшинства из-за лингвистически гетерогенного характера пограничной территории. Так или иначе, в Бельгии относительная неудовлетворенность продолжает существовать именно благодаря тому, что ситуация стабилизировалась: с лингвистической точки зрения сегодня ни один из языков не представляет опасности для другого. Офранцузивание остановилось благодаря языковому законодательству, и крайне мало вероятно, что когда-нибудь будет возможно "онидерландивание" франкоязычного населения: статус французского языка слишком высок для этого. Кроме того, если раньше языковая и социально-экономическая границы совпадали, то теперь этого нет.

Времена, когда только бедные говорили на одном из диалектов (фламандском или валлонском), а богатые - только по-французски, канули в прошлое. Стандартизированный нидерландский и французский стали языками межнационального общения всех фламандцев и, соответственно, валлонов, бедных или богатых. Как в языковом, так и в социально-экономическом отношении фламандцы и валлоны стали равны. Но именно из-за этого общего относительного равенства и сопутствующего ему равновесия сохраняется некоторая неудовлетворенность языковых меньшинств на микроуровне.

Более того, это существующее недовольство не решается федерализацией бельгийского государства. Другими словами, для языковых меньшинств, нидерландоязычного или франкоязычного, от этого ничего не изменилось. Соответственно из-за остающейся относительной неудовлетворенности кажущаяся такой стабильной бельгийская конструкция является потенциально неустойчивой. Эта потенциальная нестабильность и заключается в сегодняшней взаимной независимости позиции фламандского меньшинства в Брюсселе, с одной стороны, и позиции франкоговорящего меньшинства во Фламандской области, т.е. в Брюссельской периферии, - с другой. Во всяком случае, в сегодняшней дискуссии обе позиции связаны друг с другом. Компромиссы, которые регулируют положение обоих языковых меньшинств, именно потому и сработали, что они в конечном счете формируют сложное целое, состоящее из поддерживающих друг друга в равновесии договоренностей/условий. В случае одностороннего расторжения подобных договоренностей вся конструкция может развалиться. Поэтому как фламандское правительство, так и франкоязычное большинство в Брюссельской области должны способствовать тому, чтобы не доводить до обострения свое видение демократии, всячески поддерживая ныне существующие правила на благо каждого из меньшинств. Тем более что сегодня невозможно в одностороннем порядке изменить что-либо в этих правилах, так как в федеральном парламенте для этого требуется не только большинство в каждой языковой группе, но и общее квалифицированное большинство в 2/3 голосов. Это положение закреплено конституционно. Ситуация же в целом приобрела столь символическое значение, что одного лишь намека на нежелание выполнять достигнутые договоренности достаточно, чтобы разогреть страсти. Одного лишь уважения к языковым меньшинствам недостаточно, чтобы завершить дискуссию. Нерешенных проблем еще хватает. Психологическая пропасть между фламандцами и валлонами/франкофонами существует, и она достаточно глубока. Еще предстоит расчистить путь от всех проявлений взаимного непонимания. Искреннее уважение друг к другу, в том числе и к языковым меньшинствам, является для этого непременным условием. Взаимное уважение и взаимопонимание должны всячески поощряться. То, каким образом это будет происходить, является уже темой другого исследования. Вся история Бельгии является историей умиротворения. Пусть она такой и останется.

-
1. Seymour-Smith Ch. Dictionary of Anthropology. New York: G.K. Hall & Co. 1986. P. 95.
 2. См.: Jackson R.H. Ethnicity // Sartori G. (ed.). Social Science Concepts. A Systematic Analysis. London: Sage, 1984. P. 205-233.
 3. См.: Ibid. 1984. P. 228.
 4. См.: Maddens B., Beerten R., Billiet J. O dierbaar België? Het natiebewustzijn van Vlamingen en Walen. Leuven: IPSO, KUL, 1994. P. 11.
 5. См.: Talmon J.L. The Origins of Totalitarian Democracy. Harmondsworth: Penguin books, 1959.
 6. См.: Fontein G. De zes faciliteitengemeenten, Brussel: Grammens, 1984. P. 48-50.
 7. Установленная законом языковая перепись населения, которая проводится раз в десять лет, может привести к тому, что, вследствие "офранцузивания", провинции со вмешанным языковым составом населения должны будут отстаивать свои интересы во франкоязычной Бельгии. Когда в 1947 г. языковая перепись населения показала неутешительные для Фландрии результаты и фламандцы заявили о том, что они располагают доказательствами фальсифицирования итогов переписи, фламандское движение потребовало четкого определения языковых границ и официального выделения Брюсселя в качестве двуязычной области. Это было урегулировано языковыми законами 1962 и 1963 гг. С тех пор языковая перепись населения больше не проводилась. Это было на руку фламандцам, потому что в противном случае они потеряли бы часть

своей территории, но это же вызвало и большое недовольствие франкофонов, которые, имея доказательства официальной языковой переписи населения, без сомнений выступали бы за присоединение столичной периферии к официально двуязычному, но на деле с сильным преобладанием французского, Брюсселю.

8. Переписи фламандцев и валлонов проводятся по географическому признаку, на основе количества граждан Бельгии во Фламандской или, соответственно, Валлонской областях. Это означает, что при проведении этой переписи не принимается во внимание присутствие языковых меньшинств в этих областях. В Брюсселе, где население смешанное, основываются на подсчетах, которые выводят из количества голосов, отданных соответственно за фламандскую или франкоязычную партии. Эти подсчеты по двум причинам могут считаться очень приблизительными. Во-первых, из-за так называемой серой зоны двуязычных брюссельцев. Во-вторых, нидерландоязычные брюссельцы могут голосовать за франкоязычные партии, и наоборот. Во Фландрии и Валлонии это невозможно, потому что во Фландрии не действуют франкоязычные партии, а в Валлонии - фламандские. Таким образом, в Бельгии больше не существует единой партийной системы, а есть фламандская и валлонская/франкоязычная системы, которые полностью изолированы друг от друга. В Брюсселе, напротив, представлены две социалистические, две христианско-демократические, две либеральные, две "зеленые" и т.д. партии - и каждая во фламандском и франкоязычном вариантах.

9. Интервью Ж. Аппара, данное газете "Стандаард магазин". 1995. 23 мая. С. 9.

10. Lorwin V.R. Belgium: Conflict and Compromise // McRae K.D. (ed.). Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies. Toronto: McClelland and Stewart, 1994. P. 199.